

---

## ГЛАВА IV

### СТАЛИН В РАКУРСЕ ВОЙНЫ И МИРА

Сталина нередко изображают чуть ли не самым милитаристским политиком XX века. Будто бы он стремился катализировать военными средствами мировую революцию, а с конца 40-х годов, став на позиции великодержавности, завоевывать и навязывать другим странам советские порядки [1]. В книге Н. Верта «История советского государства», преподносимой как лучший переводной учебник, сталинской внешней политике приписывается стремление нагнетать международную напряженность, обострять противоречия, сталкивать друг с другом другие страны, содействовать войнам [2]. Таков и лейтмотив претенциозного фильма Е. Киселева «Мировая революция для товарища Сталина», приуроченного к 60-летию начала Великой Отечественной войны. Некоторые политологи полагают, что будь у Сталина атомная бомба раньше, чем у американцев, он, не колеблясь, применил бы ее [3].

Как один из крупнейших политических и государственных акторов эпохи империализма, войн и революций, Сталин постоянно занимался теоретическими и политическими делами, связанными с проблемами войны и мира. Его взгляды и отношения к войне и миру, являвшиеся непосредственными мотивами — двигателями принимаемых решений и действий в военной сфере и миротворчестве, оказали огромное влияние на ход отечественной и мировой истории в XX веке, продолжая работать в определенной мере и сейчас.

## 1. ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ПО НЕОБХОДИМОСТИ

Глубокое проникновение Сталина в тайны войны, ее источники и исторический смысл связано с характером его деятельности как выдающегося и самоотверженного революционера и создателя нового общества, исполнявшего различные ведущие исторические роли, которые выпадали на его долю: регионального вожака революционных рабочих Кавказа; одного из лидеров российской компартии, Октябрьской революции 1917 года, создания и укрепления СССР; комиссара – члена военных советов фронтов гражданской войны 1918–1920 годов; организатора и вождя в строительстве нового общества и его вооруженных сил; фактического главы Советского государства и Верховного главнокомандующего его вооруженными силами в годы тяжелейшей войны с фашизмом; признанного главного теоретика марксизма после Ленина и т.д. Каждая новая роль требовала от него все более глубоких знаний о войне и военном деле, умения решать все более масштабные, ответственные и сложные военно-политические задачи.

Постижению и практическому овладению законами и механизмами войны, использованию их в интересах нового общества способствовали его выдающиеся личностные качества. Двадцатилетнему Сталину один бывалый старец поведал: «Я хочу сказать о тебе нечто такое, что не все знают... Ты рожден громом и молнией. Ты ловок и мудр, у тебя великое сердце» [4]. Вся жизнь Сталина есть как бы подтверждение его необыкновенных сил и способностей: интеллектуальных, духовных, психологических и физических. Это выражается во всем, что он делал, на что обращал внимание.

Его исключительные личные качества более всего соответствовали мирным творчески-созидательным делам, которым он с упоением отдавался в 20–30-е годы и после войны 1941–1945 годов, возглавляя дело строительства социализма в СССР, способствуя, более какого-либо другого деятеля, выдвижению России на передовые рубежи социального, экономического, научно-технического и духовно-культурного прогресса.

Его глубокий ум и необыкновенная воля проявились и в военной сфере, в новых теоретических воззрениях, а также новаторских прак-

тических делах по военной защите социализма, решению проблем войны и мира в интересах человечества.

В его взглядах на историческую значимость войн и военных средств четко выделяется ряд аспектов: а) роль вооруженного восстания как особого вида войны (военных действий) в революции, в завоевании трудящимися власти; б) взаимосвязь революции и гражданской войны; в) возможность войн победившего пролетариата, социалистического государства в порядке выполнения интернационального долга – поддержки революционно-освободительной борьбы других народов; г) влияние империалистических войн на революцию и строительство социализма; д) воздействие войн в защиту социализма на жизнь других государств, мировые процессы; е) факторы предотвращения и устранения войн из жизни общества и др. Остановимся на этих аспектах военно-политических воззрений Сталина.

Около полувека – с начала своей революционной деятельности и до конца жизни – Сталин обдумывал проблему места и роли вооруженного восстания в революции, развивая и уточняя свои представления на этот счет с учетом изменяющихся условий.

Первые 10–15 лет (конец XIX и начало XX веков) он смотрит на нее преимущественно с точки зрения задач назревавшей русской революции, придя к убеждению, что в конкретных условиях России вооруженное восстание является решающим, необходимым и неизбежным событием в борьбе трудящихся за свое социальное освобождение, единственным путем перехода к народовластию и социалистическому общественному устройству. Причем вооруженное восстание понималось как массовое выступление трудящихся с оружием в руках, поддержанное большинством народа. Избежать такой вариант развития пролетарской революции, согласно его взглядам той поры, невозможно, так как господствующие эксплуататорские классы сделают все, чтобы не допустить трудящихся к власти, применят самое жестокое, кровавое подавление их свободлюбивых и властных устремлений, пойдут настоящей войной против народа. Дальнейшие события в России, а также ряде европейских стран подтвердили эти положения, и Сталин, уже опираясь на мировой опыт, в середине 20-х годов говорил, что закон о насильственной революции пролетариата является «неизбежным законом революционного движения», «...обя-

зательным условием движения к социализму во всех без исключения империалистических государствах» [5]. Антинародная власть, опирающаяся на вооруженное насилие, может быть устранена только военной силой и должны создать ее трудящиеся.

Но Сталин при рассмотрении связки «война–революция» был диалектиком, пристально вглядывавшимся в новые явления и тенденции данного взаимодействия. В его поле зрения оказалась и возможность «мирного» пути революции как определенное «соглашение между пролетариатом и буржуазией». Следуя за Марксом и Лениным, Сталин долго полагал его возможным лишь в домонополистическую эпоху для некоторых стран, где не было засилья военщины и бюрократии, например, в Англии и Америке 70-х годов XIX века. Однако, несмотря на это, уже на пути от февраля к октябрю 1917 года Сталин поддерживал тактику Ленина на мирное взятие власти трудящимися. Так было до июльского кровавого подавления Временным правительством протестных выступлений рабочих и солдат в Петербурге, до утверждения партией курса на вооруженное восстание [6]. Но и после этого, осуществляя курс на вооруженное утверждение власти трудящимися, Сталин не действовал сломя голову, а всячески способствовал тому, чтобы восстание не превратилось в вакханалию кровавого насилия, избежало излишней «воинственности». Этому должны были служить точные расчеты и решения, высокая организация революционного движения. 24 октября 1917 года в самый канун восстания в статье газеты «Правда» под названием «Что нам нужно» Сталин писал, обращаясь к рабочим, крестьянам и солдатам: «Если вы все будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место новому тем более мирно (подч. мною – В.С.), чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы» [7]. Известно, что взятие власти трудящимися в Октябре 1917 года было почти бескровным как в столице, так и на периферии. Оно не переросло в кровавую бойню. Советская власть практически мирно («триумфальным шествием») утвердилась по всей стране. При этом поддерживалась бдительность, готовность к любому повороту событий, укреплялась военная сила революции.

Продолжая изучать проблему взаимосвязи революции и войны, Сталин в середине 20-х годов высказал мысль о возможности в бу-

душем «мирного пути» победы революции трудящихся в некоторых странах, когда социализм станет фактом в крупнейших державах мира и капиталистическое окружение сменится окружением социалистическим. Капиталисты могут тогда пойти на уступки трудящимся. Но, боясь укоренения в сознании людей труда иллюзий на этот счет, он подчеркивал, что это касается далекого возможного будущего [8]. В условиях того времени это предположение, по его мнению, не имело никаких оснований.

Конкретно – исторический подход к проблеме мирного или не мирного пути революции проявился с новой силой после Второй мировой войны, когда Сталин пришел к выводу, что в середине XX века открылась возможность парламентского мирного пути к завоеванию власти трудящимися. Из такой возможности, в частности, исходила Программа Коммунистической партии Великобритании, принятая ее исполкомом в 1951 году. Есть сведения об авторстве (или соавторстве) Сталина в ее разработке, что послужило мотивом для публикации этого документа в приложении к 18-му тому его сочинений, изданному в 2006 году.

Второй аспект взглядов Сталина на войну отражает взаимосвязь революции и гражданской войны. Сталин хорошо знал историю революций и понимал, что взятие власти (мирное или посредством вооруженного восстания) трудящимися вызовет яростную ненависть эксплуататоров, и они могут организовать гражданскую войну. Революция и тут может пересечься с войной, но не по вине трудящихся, а из-за агрессивности контрреволюционных сил. Социалистическая революция не может быть «социальным родителем», генератором гражданской войны, не стремится «креститься в крови». Она должна быть последовательно миролюбива, изыскивать способы избежать военных коллизий.

На опыте событий 1917–1920 годов в России Сталин сделал вывод о том, что внутренняя контрреволюция не смогла бы организовать широкомасштабную гражданскую войну без финансовой, военной и всяческой иной поддержки международного капитала, а последний, в свою очередь, не мог бы организовать самостоятельно такую войну без использования внутренних враждебных сил [9]. В этом реакционном союзе он видел решающую роль последних: «Без внешней под-

держки серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможна» [10] (*подч. мною – В.С.*). За спиной белых в России стояли империалисты Англии, Америки, Франции, Японии и других государств. Внутренняя обстановка сама по себе содержала возможность не допустить гражданскую войну, но вмешательство извне перечеркивало ее, выступая главным генератором вооруженной внутренней схватки противоположных классов за власть.

Для нас важно здесь то, что Сталин не ставит в неразрывную зависимость революцию и гражданскую войну, тем более не смешивает и не отождествляет эти явления, считая их относительно самостоятельными, предполагая, что когда будут благоприятные внешние условия, созревшая социалистическая революция может обойтись без гражданской войны (например, тот же парламентский путь). Гражданская война не рассматривается необходимым, неизбежным, неустранимым и тем более законным компонентом социалистической революции.

Могут сказать: «Все это так, но относится к прошлому, и стоит ли ворошить его?». Нет, эти взгляды не утратили своей актуальности, и, может быть, более всего для современной России.

Захватившие власть в нашей стране буржуазно-мафиозные слои прямо заявляют, что не отдадут теперь ее народу, даже если народный кандидат в президенты одержит убедительную победу на выборах, пугают людей применением силы, гражданской войной. Среди теоретиков левого движения широко распространены взгляды, фактически отождествляющие революцию с вооруженным восстанием и гражданской войной. Из такого отождествления делаются выводы об «исчерпании Россией лимитов на революцию». Тем более что именно вмешательство извне со стороны НАТО, и прежде всего США, поставивших своей целью не допустить вновь коммунистов к власти в России, является угрозой того, что вновь сомкнутся действия внутренней и внешней реакции. И правящая антинародная верхушка, проводя прозападную политику в ущерб национальным интересам, способна в критической ситуации открыть путь для ввода военных сил Запада, чтобы спасти свое положение. Именно в этом гвоздь ее братания с США и НАТО.

Поэтому важно добиваться того, чтобы никакая внешняя сила ни при каких условиях не могла вмешиваться во внутренние дела Рос-

сии, как и других государств. Это первейшее условие к тому, чтобы внутреннее развитие шло по пути подлинного социального прогресса – к справедливости и народовластию. Борьба за создание надежной обороны страны, действующей исключительно в интересах народа и государства, – первейшая задача патриотических народных сил.

Но, борясь за переход к народовластию и социально ориентированному обществу, важно глубоко понимать, что этому будут всячески сопротивляться нынешние правящие круги, создавшие в России для этого полицейское государство. В этих условиях попытки безрас-судно резких, тем более военных, действий против режима смертельно опасны для общества. Сохраняется даже угроза ядерного апокалипсиса. Но и мирные методы, если будет сохраняться полицейское государство, бесперспективны. Надо изменить сами условия, чтобы открыть мирный путь движения к справедливому обществу.

Первейшей задачей прогрессивных сил является создание и развитие механизмов, закрывающих саму возможность антинародной власти пускать в ход оружие во имя отстаивания своих эгоистических интересов. Для этого необходимо максимально демократизировать политическую систему, вырвать инструменты насилия из слепого подчинения антинародной верхушке, поставить их на службу действительных интересов государства и под жесткий контроль общества. Тогда правящая элита не сможет подавлять волю народа, использовать силу для недопущения к власти законно избранных глав государства и правительство от левых сил. Важно политическими средствами добиться ликвидации незаконных вооруженных и полувоенных организаций, охранных служб с боевым оружием у новых капиталистических собственников.

Утверждение действительной демократии приведет к созданию предпосылок для мирной реализации воли народа, которая все более будет склоняться к социалистическому выбору.

Третий аспект сталинских взглядов на войну связан с интернациональным долгом социалистического государства перед трудящимися других стран, поднимающимися на революцию или национально-освободительную борьбу. Антикоммунисты говорят, что Сталин готов был развязать войну во имя продвижения революции в другие страны. Ссылаются на то, что он, особенно в 20-е годы, часто воспроизводил

ленинскую формулу о том, что победивший пролетариат должен содействовать развитию мировой революции не только примером новой жизни и успехами хозяйства (хотя это признавалось главным), но и поднимая восстания против капиталистов, «выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств». При этом упоминают о готовности Сталина включить Красную Армию для помощи революции в Германии в 1923 году, военную поддержку национально-освободительной борьбе в Китае, испанского народа в защите республиканского строя (середина 30-х годов), ввод советских войск в прибалтийские государства, о якобы ответственности Сталина за войну в Корее (1950–1953) и т.п.

На поверку эти аргументы об агрессивности Сталина оказываются несостоятельными.

Сталин, отдавая в 20-е годы определенную дань приверженности значительной части партийной и государственной верхушки СССР лозунгу мировой революции, с середины и особенно конца 20-х годов сосредоточивается на проблеме строительства и полной победы социализма в России, обеспечении мирных внешнеполитических условий, мирном сосуществовании и сотрудничестве с капиталистическими странами. Дело революции в других странах рассматривается исключительным выбором и решением их народов, трудящихся, национальных компартий.

Советское государство объявляет строгую приверженность принципу невмешательства во внутренние дела других государств. Сразу после победы Октябрьской революции Сталин весьма и весьма сдержан в вопросах применения военной силы. Он решительно поддержал Ленина против лозунга «революционной войны» с Германией в период борьбы за Брестский мир в 1918 году как лозунга авантюрного, играющего на руку империалистам, угрожающего поражением русской революции. Был против использования Красной Армии для подталкивания революции в Западной Европе. Выступил единственным в руководстве партии в 1920 году против наступления советских войск на территорию Польши, предполагая остановиться на линии Керзона, отделявшей поляков от украинцев и белорусов, то есть от русских народов, до конца противился авантюрным устремлениям Троцкого и Тухачевского, несмотря на то, что их поддерживал Ленин.

Острейшие стрелы открытой критики летели от него в тех, кто, не довольствуясь защитой Советской республики, кричал о «марше на Варшаву», воспламенении революции в Европе, не считаясь с состоянием западноевропейских обществ, в том числе Польши, а также со стратегической обстановкой на юге России, где открыл новый фронт Врангель, начав наступление из Крыма и т.д. Сталин даже публиковал свои мысли в «Правде» [11]. Но с ним не посчитались, и продолжение войны с Польшей привело к крупному поражению под Варшавой.

Обвинение Сталина в решимости применить армию для поддержки революции в Германии в 1923 году тоже не срабатывает, так как такового не было, а лишь высказывались некоторые предположения на этот счет.

Антисталинисты в своем рвении доказать недоказуемое часто приводят выдержки из речи Сталина на пленуме ЦК РКП (б) 19 января 1925 года. В ней Сталин, отмечая рост революционно-освободительного движения на Востоке (Индия, Китай, Египет, Судан и т.д.) и на Западе (особенно в Англии), а также обострение межимпериалистических противоречий и опасности новой войны, которая еще более катализирует революционные процессы, делает вывод, что это может привести к тому, что «кое-где скovyрнут буржуазию» [12]. Но удержаться им будет очень трудно, — подчеркивает он, — и тогда «обязательно» встанет вопрос о нашей армии, как «вопрос животрепещущий». И далее он уточняет: «Это не значит, что мы должны обязательно пойти при такой обстановке на активное выступление против кого-нибудь. Это неверно. Если у кого-нибудь такая нотка проскальзывает — то это неправильно. Наше знамя остается по-старому знаменем мира (подч. Сталиным). Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки — нам придется выступить, но выступить для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, гирию (подч. Сталиным), которая могла бы перевесить» [13].

СССР не должен бросаться сломя голову военной силой на каждую революционную вспышку в других странах, а только когда процесс борьбы там дойдет до высшей точки, и если внешняя помощь даст уверенную победу. Нельзя не заметить, что все это Сталин говорил на Пленуме ЦК РКП(б) при утверждении на посту председателя Реввоенсовета СССР и наркома обороны М. Фрунзе вместо Троцкого.

Сталин приведенными словами отметал как несостоятельную троцкистскую идею революционной войны, исходившую из невозможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Кто знает, может Сталин назидал кое в чем и Фрунзе, который во время обсуждения военной доктрины Советского государства в начале 20-х годов полагал, что в будущем по мере роста мощи Красная Армия неизбежно должна будет перейти к нападению, чтобы двигать революцию вперед [14].

Никаких войн во имя перенесения революции в другие страны Сталин не вел и тем более никогда не проявлял легкомысленного отношения к применению силы. Оказывая военную помощь Китаю (20–30-е годы), Испании (середина 30-х годов) и другим, наша страна не вступала с кем-либо в войну, а находила для этого законные международно признанные и морально оправданные способы действий: направление добровольцев, советников, предоставление развединформации, поставки оружия и т.п. Что касается ввода советских войск в прибалтийские страны, то это было сделано по просьбе их правительств. Так было до Второй мировой войны, а также и после нее, в частности, во время корейского кризиса (1950).

Широко распространено мнение, что будто бы советское руководство, и именно Сталин, были заинтересованы и толкнули Северную Корею на вторжение на юг с целью объединения страны, расширения зоны влияния СССР и оттеснения США. Однако это измышление опровергают честные западные исследователи. Американский ученый К. Везерсби на основе новых документов пришла к выводам: Советский Союз еще в ходе Второй мировой войны пошел на большие уступки Соединенным Штатам по вопросу о послевоенной судьбе Кореи, согласился со всеми американскими предложениями на этот счет. Она доказывает фактами, что Сталин не имел никаких претензий на Южную Корею. Во имя поддержания союзнических отношений он даже отказывался поддерживать деятельность южнокорейской компартии в американской зоне оккупации. Кэтрин Везерсби убеждена, что Сталин ограничивался целью сохранять установленный баланс сил союзников в Корее, жесткий контроль над Северной Кореей, которая бы играла роль буферного государства, способного защитить границу СССР в данном регионе, быть источником определенных ин-

дустриальных ресурсов (в первую очередь урановой руды). Сталин, по данным Везерсби, упорно сдерживал Ким Ир Сена от похода на юг из-за опасений перерастания локальной войны в новую мировую и согласился с Ким Ир Сеном на военные действия с Южной Кореей под давлением Мао Цзедунa, опасаясь прослыть виноватым «в сдерживании дела революции на Востоке». Сталин не желал участия СССР в военных действиях даже после включения в войну американцев и крупных поражений северокорейцев. «Он даже злобно отверг предложение Хрущева послать русского генерала для организации эффективного сопротивления. Советский лидер стремился избежать риска прямой конфронтации между СССР и США. В то же время, он не хотел, и потерять Северную Корею. Когда Сталину сказали 2 октября, что Мао принял решение о направлении войск в Корею на помощь Киму, он очень обрадовался тому, что китайцы помогли разрешить мучившую его дилемму» [15]. Американский исследователь, изучив массу документов, в том числе закрытых до 90-х годов, утверждает, что сталинская политика в отношении Кореи отличалась исключительной осторожностью. «Цели Сталина были очень далеки от безудержного «экспансионизма, который приписывали ему» руководители Запада. На конференции в Гонконге в 1996 году на основе документов было убедительно показано, что Сталин не поддержал просьбу Мао ускорить захват Тайваня, исходя из интересов всеобщего мира [16].

Самое большое место среди военно-политических проблем в сочинениях Сталина отводится рассмотрению вопросов уберечения социализма от военных нашествий империалистов, обеспечению мирных условий для социалистического строительства.

В войнах империализма против СССР Сталин видел на протяжении всей жизни самую большую опасность для победившей революции, дела социализма. Он никогда не сомневался, что все внутренние противоречия и сопротивления в строительстве социализма трудящиеся под руководством компартии сумеют разрешить и преодолеть. СССР своими силами, без помощи извне, добьется построения полного социалистического общества. Но окончательную победу социализма он связывал с такими внешними условиями, при которых станет невозможна внешняя военная интервенция. Последнюю он считал *единственной угрозой* реставрации капитализма в СССР, с ко-

торой не справиться только собственными силами, что не гарантирует окончательную победу социализма. «Пока нельзя исключить интервенции... есть возможность реставрации капиталистического строя в СССР», – подчеркивал он. «Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит и реставрации» [17]. Причем интервенцию он видел в двух формах: открытого военного нападения и скрытого тайного действия, которое может дать эффект, как и война.

Поэтому в защите социализма выделялось две важнейшие стороны: а) создание крепкой обороны, способной отразить любое военное нападение империалистов и б) закрытие всех лазеек для тихого проникновения враждебных сил внутрь СССР, устранение предпосылок для образования на территории страны «пятой колонны», которая нанесла бы удар в спину в случае военного вторжения агрессоров.

Известно, что гитлеровцы, готовясь к войне за мировое господство, повсюду создавали «пятые колонны», которые активно поддерживали фашистские вторжения в Чехословакию, Австрию, Норвегию, Словакию, Бельгию. В СССР этого не случилось. Таков результат практического осуществления дальновидного вывода Сталина. Попытка создания «пятой колонны» в СССР была своевременно разгромлена. Подводя итог работе по очищению советского государства от враждебных элементов, Сталин говорил на XVIII съезде партии, что в случае войны тыл и фронт нашей армии «будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений». Вторая мировая война это подтвердила.

Важнейшую роль в обеспечении безопасности страны Сталин отводил внешней политике, которая, по нему, должна была защищать страну укреплением мира, развитием взаимовыгодных отношений с капиталистическими странами.

Буквально с первых дней своего существования Советское государство первым в мире стало на практике осуществлять политику борьбы с войной, предотвращения и срыва войн и военных провокаций капиталистических стран против СССР, а также военных столкновений между ними. Уже в 1919–20-е годы дипломатическими акциями, предоставлением торговых льгот, развитием экономических связей, рядом важных уступок советская власть сумела предупредить

участие большинства малых стран Восточной Европы в третьем походе Антанты против нашей страны, увлечь их перспективами мирных отношений, развитием торговли. В 20-е годы удалось сорвать ряд попыток втянуть СССР в войну, различного рода вооруженные конфликты (попытки Англии и США столкнуть СССР с Китаем в 1927 году, разрыв советско-английских отношений и стремление спровоцировать войну с Польшей в середине 20-х годов и др.).

С конца 20-х годов Сталин, отмечая нарастание опасности новой войны, обосновывал с разных сторон необходимость борьбы против подготовки империалистических войн, против интервенционистских тенденций в политике капиталистических стран, за сохранение и укрепление мира во всем мире. В это время в его выступлениях даются такие установки: «сохранение мирных отношений с капиталистическими странами является для нас обязательной задачей», «не давать себя вовлекать в конфликты», «мешать наладить новую войну», «оттянуть войну, откупившись от капиталистов» [18], разоблачать и срывать маску с тех, «кто подготовляет и провоцирует войну», «кто хочет мира, тот всегда найдет у нас поддержку», «принять меры, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей» [19]. Благодаря этим установкам СССР накопил богатейший и уникальный опыт защищаться «миром», то есть созданием такой системы межгосударственных отношений (политических, дипломатических, экономических, торговых, культурных и т.д.), которые удерживали бы капиталистические страны от открытой агрессии против СССР, создавали барьер для развязывания войны. Этот опыт сыграл важную роль в делах по разоблачению подготовки Второй мировой войны, оттягиванию агрессии против СССР, созданию наилучших условий для обороны. Важно понять всю сложность той борьбы в отравленной до предела миазмами политических и военных комбинаций атмосфере 1939–1941 годов.

Сталин был непоколебимо убежден в том, что империализм является источником войн, и пока он сохраняется, «остается в силе также неизбежность войн». Этот взгляд он развивал и в последней крупной работе «Экономические проблемы социализма в СССР», озаглавив даже раздел, посвященный проблемам войны и мира – «Вопрос о неизбежности войн между капиталистическими странами» [20]. Работа вышла в апреле 1952 года за год до смерти Сталина. В ней

критикуются два главных аргумента, выдвигавшихся тогда и широко применяющихся сейчас, обосновывающих вывод о том, что в новых международных условиях, после Второй мировой войны, войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. Довод первый: войны внутри капиталистической системы перестали быть неизбежными в силу выдвижения на первый план противоречий между социализмом и капитализмом, а также подчинения всех капиталистических стран Америке, которая, будучи самой сильной страной, не позволит подчиненным драться между собою, а против нее никто не пойдет. Вторым доводом: в мире выросли мощные народные силы, выступающие за мир, против войн. Последний довод отвергается легко тем, что после Второй мировой войны количество войн в мире не уменьшилось, а возросло. Если в XX веке было всего около пятисот войн и вооруженных конфликтов, то на вторую половину их приходится более четырехсот. Ежегодно в 90-е годы имелось до 30–38 крупных вооруженных конфликтов. Но, будучи не способными прекратить войны вообще, антивоенные движения во второй половине XX века сыграли выдающуюся роль в предотвращении Третьей мировой ядерной войны, а также ряда региональных конфликтов.

Что касается первого довода, то Сталин прогнозировал, что крупные капиталистические страны, объединенные диктатором США, рано или поздно попытаются вырваться из американской неволи, зажечь самостоятельно, а это вызовет конфликты. Пока они развиваются мирно, но когда со всей остротой встанет вопрос о распределении ресурсов в условиях их общего недостатка (особенно энергоносителей), то положение может измениться. Ресурсы для главных капиталистических стран будут сокращаться, недогрузка экономики будет расти (в том числе за счет развития стран третьего мира), что неизбежно будет порождать острейшие кризисы в капиталистическом мире. Следует учитывать, что до сегодняшнего времени западные капиталистические страны могли разрешать проблемы поддержания своего благополучия за счет развивающихся государств, в том числе за счет развязывания войн. Если взять крупнейшие войны и вооруженные конфликты XX века, то 60–70 процентов из них придется на те, которые инициировали капиталистические страны. Если принять за 100 процентов все войны, в которых ядерные державы выступали агрессорами, то бо-

лее 95 процентов приходится на США, Великобританию, Францию и Израиль. Иначе говоря, агрессивный потенциал капиталистических развитых стран имел и сохраняет пока возможность реализоваться на стороне. Но она-то постепенно закрывается. В последние годы западноевропейские государства также начинают лучше понимать, что все военные агрессии, в которые их вовлекли США, служат в основном интересам последних, угрожают их национальному благополучию, и они начинают все чаще «взбрыкивать».

Те, кто твердят об устарелости взглядов Сталина на неизбежность войн между капиталистическими странами, слишком торопятся, а подобного рода прогнозы могут срабатывать через многие десятилетия.

Большинство межимпериалистических войн Сталин оценивал как разбойничьи и захватнические, «ненавистные» для народа, «бесчеловечные», «хищнические». Так он характеризует и Первую мировую войну, называя ее к тому же «помехой» революции, обуславливавшей сужение демократии, чрезвычайщину, всплеск насилия над народом и разгул контрреволюции.

После свержения царизма в 1917 году он считал, что продолжающаяся империалистическая война может стать тем «подводным камнем, о который может разбиться корабль революции», что война способна «пожрать» плоды революции и нужна скорейшая «ликвидация» этого бедствия [21]. Убеждение в том, что лучше всего развитию революционно-освободительного движения, а затем и строительству новой жизни служат мирные условия, он пронес через всю жизнь.

Когда империалистические войны становятся фактом, то важно видеть и использовать порождаемые ими обострения противоречий в империалистических государствах, ослабляющие их и создающие предпосылки для преодоления антигуманного строя. Усиливая гнет и бедствия народных масс, такие войны обнажают пороки общества, их порождающего, просвещают, взбудораживают и активизируют их, ставят лицом к лицу с антинародной властью, плодят недовольство воинственной политикой, «подливают масла в огонь протестных движений», подводят к выводу о необходимости иметь миролюбивую и справедливую власть, осуществить революцию [22].

Но это не означает, что у него было желание подталкивать империалистические страны к таким войнам, как полагают иногда. Он

отчетливо видел, что они представляют угрозу для СССР, неизбежно заденут нашу страну, причинят зло всему миру. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) он подчеркивал, что всякая, даже небольшая, война где-либо в отдаленном уголке мира представляет опасность для СССР, миролюбивых стран.

Исходя из неизбежности войны при империализме, Сталин одновременно видел возможность предотвращать ту или иную данную войну, временно отсрочить ее, продлить данный мир. Реализация такой возможности много стоит и важно добиваться этого. При этом учитывается особенность отношений между социалистическими и капиталистическими государствами. Хотя противоречия между ними острее, но из этого не следует, что и войны между ними «неизбежные». Вторая мировая война началась внутри капиталистической системы, а не с ее войны против СССР. Сдержанность империалистов по отношению к СССР объяснялась рядом обстоятельств: такая война значительно опаснее для капиталистов, так как ставит под вопрос существование их системы; капиталисты, распространяя мифы об агрессивности социализма, сами в них не верят; в определенных условиях межимпериалистические противоречия бывают сильнее.

Со своей стороны социализм, согласно его взглядам, всегда нацелен на мирное сосуществование, считая его не только возможным, но и необходимым, независимо от политических режимов и качеств правителей капиталистических стран, но при одном условии, «если мирное соглашение не затрагивает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства». Отвергалась всякая заидеологизированность, в которой его обвиняют, и которая в самой одиозной форме свойственна в международных делах нынешним правителям России.

В канун Второй мировой войны многие выдающиеся мыслители видели в Сталине крупнейшего мирового политика, призванного сыграть исключительно важную роль в спасении Советской страны и судьбах всего человечества. Великий писатель Максим Горький писал Сталину 24 марта 1935 года: «Чем ближе к войне — тем более усилен будут мерзавцы всех мастей стараться убить Вас, дабы обезглавить Союз. Это — естественно, ибо враги хорошо видят: заменить Вас — некем. Колоссальной и мудрой Вашей работой Вы внушили миллионам

людей доверие и любовь к Вам, это — факт... Берегите себя. Мировая — всемирная — ненависть к Вам всех подлецов и мерзавцев говорит Вам о Вашей величине, о значительности Вашей работы также красноречиво и убедительно, как горячая любовь всех честных, искренних революционеров» [23].

## 2. ВТОРАЯ МИРОВАЯ (1939–1945) И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ (1941–1945) ВОЙНЫ

Вторую мировую войну Сталин воспринимал как «неизбежный результат развития экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма» [24]. Вместе с тем более чем за 10 лет до ее возникновения он считал возможным предотвратить ее, сохранить мир, заставить агрессоров отречься от своих воинственных замыслов и планов.

Эти внешне несовместимые положения, логически увязанные в творческой политике, эффективно работали на укрепление защиты социализма. На XVII съезде компартии (1934) он указывал на факторы, способствующие предотвращению войны против СССР: а) быстро растущие хозяйственная и политическая мощь страны, ее авторитет и влияние в международных делах; б) поддержка мирового коммунистического и рабочего движения; в) благоразумие стран, которые заинтересованы в мире; г) Красная Армия, готовая оборонять страну от агрессивных наскоков. Политика нацеливалась «обуздать агрессоров», создать «заслон» («барьер») на пути войны, устранить саму угрозу ее *комплексом невоенных и военно-силовых средств и действий*. В беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк-Таймс» господином Дюранти в конце 1933 года Сталин подчеркивал принцип: использовать все, что «сможет оказаться неким бугорком (*подч. мною — В.С.*) на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира» [25].

Естественно, основные усилия сосредотачивались на крупных мерах: расширение и укрепление политических, экономических, культурно-гуманитарных связей с капстранами (к 1941 году СССР имел дипломатические и другие отношения с тридцатью государствами);